

Международно-правовые вопросы СНГ

ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РЕГИОНАХ СНГ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Л.М. Карапетян*

1. Истоки конфликтов и политико-правовые основы их урегулирования

История развития человечества свидетельствует, что все уровни его организации (семья, коллектив, государство, Содружество и т.п.) могут эффективно функционировать лишь при безусловном соблюдении выработанных ими политико-правовых и нравственных норм. Это требование составляет основу международно-правовых норм и конституций большинства государств мирового сообщества.

Национальная политика демократического государства, независимо от федеральной или унитарной форм устройства и управления, проводится в соответствии с этими принципами и нормами. Центральное место в их системе занимают принципы и нормы по защите прав человека, независимо от национальной, расовой и религиозной принадлежности; равноправие и суверенитет народов, их право на свободное самоопределение; территориальная целостность государств, которые не нарушают права человека и национальных меньшинств; решение межгосударственных и межнациональных конфликтов политическими, мирными средствами и т. п. Неуклонное соблюдение этих принципов и норм составляет гарантию прогрессивного развития каждой страны и всего человечества.

Государственные органы большинства стран мира соблюдают свои законы и международно-правовые нормы. Но в ряде стран к ним относятся выборочно. В итоге возникают непримиримые конфликты внутри данного государства, особенно по вопросам самоопределения народов и территориальной целостности государств.

Происходящие в разных государствах мира конфликты и вооруженные противостояния по вопросу самоопределения народов принято считать

*Доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор.

“межнациональными”. Полагаем, что такая формулировка неадекватно отражает суть таких конфликтов, ибо они происходят не между народами данного государства и даже не между “титульной” нацией и желающим самоопределиться народом, а между государством в лице органов его власти и объединенным идеей самоопределения народом¹. К примеру, очевидно, что генетически не было и не существует конфликта между англичанами и ирландцами, русскими и чеченцами, грузинами и абхазцами, народами других конфликтных регионов мира, а имеется противодействие государства в лице его бюрократических структур самоопределяющемуся народу. Конечно, возникающие в результате проводимой политики конфликты поддерживаются определенной частью населения и носят оттенок “межнациональных”, но по своей сути они являются государственно-национальными. Такие конфликты могут приобрести также “международный оттенок”, когда в их разрешение вовлекаются другие государства и международные организации.

Государственно-национальные конфликты имеют различные исторические корни и современные причины.

Наиболее существенной причиной возникновения таких конфликтов является нарушение государственно-бюрократическими структурами (представляющие в основном так называемую “коренную” или “титульную” нации) прав национальных меньшинств в разных сферах общественной жизни. Крайним проявлением противодействия последних становится их требование права на самоопределение. А если это меньшинство непосредственно граничит со своим основным этническим массивом в соседнем государстве, то, как правило, появляется естественное желание воссоединиться с ним.

Большинство исследователей этой проблемы приходят к обоснованному выводу, что одной из основных причин происходящих в разных регионах бывшего СССР непримиримых конфликтов является волонтаристское определение границ и превращение части единого народа в “этноареал меньшинства”, граничащего со своим “этническим массивом” в соседнем государстве.

Очевидный волонтаризм выражался также в том, что такие перекройки границ осуществлялись не государственно-правовыми методами, а решениями высших партийных органов с последующим “само собой разумеющимся” закреплением в Конституции СССР и конституциях союзных республик.

В политико-правовой литературе высказывается мнение, что произвольная перекройка границ между союзными республиками породила такую особенность, когда они фактически не были межгосударственными. Поэтому большинство нынешних конфликтов на территории СНГ порождены в основном обострением вопросов национально-территориального размежевания после распада СССР.

Эксперты федеральной пограничной службы прогнозируют вероятность обострения конфликтов по территориальным проблемам у России с Украиной, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном².

На переговорах и в опубликованных работах по проблеме рассматриваемых конфликтов доминирует мнение о практической невозможности их разрешения в связи с непримиримостью целей конфликтующих сторон, одна

из которых требует самоопределения народа, а другая — сохранения территориальной целостности государства. При этом основная причина возникновения “тупиковой ситуации” усматривается в отсутствии политической воли обеих сторон, ориентированной на достижение разумного компромисса.

Однако, такая констатация не дает полного понимания сути проблемы и путей ее решения. По нашему мнению, *главная причина формирования политической воли, которая мешает достижению компромисса на путях урегулирования любого государственно-национального конфликта, состоит в субъективном и волюнтаристском отношении конфликтующих сторон к международно-правовым принципам и нормам, одностороннем их толковании и, в конечном итоге, — их игнорировании во имя своих интересов.*

В связи с преобладающим разночтением этих принципов напомним их дословное содержание из основополагающих документов ООН и других международных организаций. Так, в главе I Устава ООН (1945 г.), в ряду основных целей Организации Объединенных Наций определяется: “развивать дружественные отношения между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов...” (ст. I, п.2); в главе IX Устава ООН говорится, что “с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует...” решению социально-экономических и других важных проблем (ст. 55).

Эти установки Устава ООН нашли свое развитие в последующих международных пактах и соглашениях. В статье 2 Декларации “о предоставлении независимости колониальным странам и народам” (1960 г.) записано: “сознавая необходимость создания условий устойчивости и благосостояния и мирных и дружественных отношений, на основе уважения принципов равноправия и самоопределения всех народов и всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии... заявляют, что народы имеют право на самоопределение: в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие”. В Международном Пакте “Об экономических, социальных и культурных правах”, (декабрь 1996 г.) говорится: “Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие (ст. I, п. I). И далее: “*Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамостоятельными и подопечными территориями, должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право*” (ст. I, п. 3). Эти принципы почти дословно закреплены в Международном Пакте “О гражданских и политических правах” (ст.1, п. п. I, 3).

Что касается принципа “территориальной целостности”, то в Уставе ООН нет такого понятия, там речь идет о “территориальной неприкосновенности”. Принцип территориальной целостности в полном объеме во взаимосвязи с другими принципами был закреплен в Декларации “О

принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН”, (октябрь 1970 г.). В ней упреждаются любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению *территориальной целостности или политического единства и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов*³.

Принцип “территориальной целостности” в контексте с другими принципами был закреплён также и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) в следующей формулировке: “Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств” (Раздел VIII).

Этот вывод подкрепляется в “Декларации о воспитании народов в духе мира” (1978 г.), в Итоговом документе Венской встречи участников СБСЕ (1986 г.) и ряде других актах международных организаций.

В связи с обострившимися в разных регионах мира конфликтами, связанными с разными толкованиями принципов самоопределения и территориальной целостности государств, *эта проблема стала центральной на встрече “Хельсинки-2”* (май 1992 г.). В итоговом документе “Вызовы времени перемен” она *обозначена несколько шире*:

а) как совместить принципы соблюдения прав человека и невмешательство во внутренние дела суверенных государств; б) как совместить принципы права народов на самоопределение и нерушимость границ суверенных государств?

Как видно, *суть “вызова времени перемен” состоит в необходимости согласования этих принципов и обеспечении организациями международного сообщества (ООН, ОБСЕ и другие) содержательного и оперативного решения вопросов, связанных с нарушением прав человека и осуществления права народов на самоопределение в суверенных государствах.*

Выразив одобрение процессу “объединение—воссоединение” Германии и других иных крупных государств, часть участников “Хельсинки-2” несколько неопределённо отнеслась к аналогичным стремлениям рядом проживающих других народов. Основная причина такого отношения состоит в том, что в Европе и других регионах мира немало спорных проблем, решение которых в процессе реализации права народов на самоопределение может встретить силовое противодействие со стороны государств, в составе которых они находятся. Перед лицом такой опасности организации мирового сообщества оказываются в тупике, проявляют свою беспомощность в реализации международных пактов, деклараций и конвенций, предусматривающих демократические и гуманные принципы защиты прав человека, национальных меньшинств.

В итоге прибегают к силовым методам решения проблемы. Трагическим свидетельством этого явилась трехмесячная бомбежка силами НАТО фактически всей территории Югославии “в целях противостоя-

ния этнической чистке” в Косово. Однако достижение, казалось бы, благородной цели защиты прав национального меньшинства обернулось гуманитарной катастрофой для всей Югославии, в том числе косовских албанцев. Более того, значительный экологический, экономический и морально-психологический ущерб нанесен соседним с Югославией европейским странам, да и всему человечеству.

Между тем, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и разных международных форумах постоянно подчеркивается необходимость политического решения подобных конфликтов, все более обращается внимание на недопустимость абсолютизации и приоритетной оценки одного из международно-правовых принципов в ущерб другому. Практика показывает, что одной из существенных причин их абсолютизации или противопоставления является недостаточно четкое представление сферы их предназначения и применения: *не учитывается, что принцип территориальной целостности касается прежде всего межгосударственных отношений, а принцип самоопределения народов сугубо внутригосударственных*⁴. Именно так сформулированы эти принципы в Хельсинском акте СБСЕ (1975 г.) и других международных документах. *Самоопределение присуще не государству, а народу или национально государственному образованию, которое реализуется не в межгосударственных отношениях, а в процессе развития данного государства*. Внутригосударственный характер принципа самоопределения определяется и тем, что он предполагает разные формы его реализации в составе определенного государства или выхода из него, а не в системе ООН или иных организаций международного сообщества.

Рассматривая названные и другие международно-правовые принципы по проблемам межгосударственных и межнациональных отношений и поиски компромиссов по урегулированию соответствующих конфликтов следует прежде всего выявить объективные критерии их взаимодействия и возможного согласования. Ведь провозглашая принципы межгосударственных и межнациональных отношений в Уставе ООН и закрепляя их в последующих декларациях и пактах, организации мирового сообщества достаточно четко обозначили их равную *первостепенную важность*. *Эти принципы должны одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других*.

Такой взвешенный и единственно верный подход делает возможным снятие волюнтаризма и обеспечение подчинения политической воли конфликтующих сторон выработанному мировым сообществом цивилизованным путем урегулированию межнациональных конфликтов.

Решение вопроса о национальном самоопределении предполагает предварительное выяснение вопроса: *что является предметом самоопределения и каковы возможные его формы и цели*. Объективный ответ на этот вопрос дан в упомянутых и других международных документах. Однако, появляются попытки противопоставления “права наций” и “права народов”. По мнению профессора В. Тишкова в международных документах нет выражения “права наций на самоопределение, ибо нации это уже самоопределившиеся образования”, а подчеркивается “право народов на самообразование”⁵. Однако, понятия “нации” и “народы” в рассматриваемом аспекте обозначены в п. 2 ст. 1 Устава

ООН. А в контексте мнения В. Тишкова примечательно разъяснение известного ученого по данной проблеме Роберта Осборна: “Проще всего, сказать, что самоопределение народов (nations) приемлемо, тогда как самоопределение наций (nationalities) неприемлемо. Очевидно, что такое утверждение опасно: оно дает большие возможности дискриминации национальных меньшинств. Кроме того, оно несет заряд нестабильности на мировой арене”⁶.

Еще в 50—60-е годы, напоминает Г.Б. Старушенко, советские юристы одни из первых в международном праве обосновали положения, что “субъектом права на самоопределение являются народы, нации, народности, а также народы, состоящие из нескольких наций, народностей или национальных групп, имеющих общую территорию, одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т.п.) и объединенных общностью цели, которой они хотят достичь посредством самоопределения”. Это положение в целом было положительно оценено в ООН, оно поддерживается большинством ученых и политиков в настоящее время⁷.

С такой интерпретацией субъектов права на самоопределение не согласны идеологи новых “мини империй”, которые призывают лишить целые народы их национальной принадлежности. Неприкрытые суждения такого порядка представил постпред Республики Азербайджан Г.З. Хакмет. Конкретизируя собственное толкование международно-правовых принципов по рассматриваемому вопросу на примере азербайджанско—карабахского конфликта, он пишет: “Речь здесь не может идти о ”праве наций на самоопределение”: армяне Карабаха это по принятой в мире классификации не нация, а этническое меньшинство. Национальностью в данном случае являются азербайджанцы — все граждане Азербайджана: тюрки, армяне, лезгины, русские... все без исключения по национальному признаку⁸. Несостоятельность такого мнения очевидна. Проживающие в Азербайджане русские, украинцы, евреи, лезгины, талыши, курды и другие национальности являются гражданами азербайджанского государства, более того, носителями его суверенитета, как и азербайджанцы, а по “национальному признаку” они принадлежат к своей нации. Некоторые из этих народов не могут входить в единую азербайджанскую нацию еще и потому, что проживают в непосредственном территориальном соприкосновении со своим основным этническим массивом, имеющим свое государство или национально государственное образование (русские, армяне, лезгины и др.).

Своеобразный подход государственных и иных деятелей в Азербайджане к этому вопросу не случаен: он служит обоснованием своей претензии решить судьбу других народов без учета их желания и стремления к самоопределению. Совершенно очевидно, что речь идет об установлении диктата одного народа над другим. Как метко заметил профессор Р. Г. Абдулатипов, “национальный диктат есть диктат наилучший, наиболее дикий и бесчеловечный”⁹. К этому можно добавить, что национальный диктат ведет к установлению этнократического режима, который неминуемо порождает межнациональные конфликты и их трагические последствия.

Вопрос о самоопределении конкретного народа, согласно вышеприведенным принципам международного права, решается именно им и другими проживающими на этой территории народами, а не по согласованию со всеми остальными гражданами страны, из состава которых он желает самоопределиться.

2. Возможности согласования принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства

Бесспорно, самоопределение народа связано с проблемой территориальной целостности государства, в состав которого он входит. Но это противоречие не существенное, в большей мере кажущееся, если исходить из признания как территориальной целостности данного государства, так и права на территорию отдельных народов.

Право народов на самоопределение — неотъемлемое и постоянное, а «целостность территории» государства понятие относительное и переменное.

В первых же исследованиях данной проблемы видные специалисты международного права пришли к выводу, что принцип неприкосновенности государственной и национальной территории фактически представляет собой два принципа.

Принцип неприкосновенности государственной территории имеет своей правовой основой государственный суверенитет. А принцип территориальной целостности включает также суверенитет проживающего на данной территории народа в составе этого государства. Народ хозяин своей территории и никто не имеет права распоряжаться ею. Напомним, что в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам отмечалось: «Все народы имеют неотъемлемое право на полную свободу, осуществление своего суверенитета и целостность их национальной территории».

Принцип территориальной целостности национально территориальных образований (автономий) бывшего Союза ССР был закреплен в статье 3 Закона ССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», которая устанавливала: «Территория союзной, автономной республики, автономного образования не может быть изменена без их согласия». Аналогичное положение в последующем закреплено в новой Конституции Российской Федерации (часть 4, ст. 78).

Понятно, что конституционное законодательство и в других странах СНГ по вопросу принадлежности территории тому народу, который на ней проживает, должно проводиться в соответствии с международно-правовыми нормами. При решении вопроса о самоопределении народов на этой основе не обнаружится противоречие с принципом территориальной целостности государства.

Как справедливо отмечает один из первых исследователей данной проблемы Г. Б. Старушенко, никакого противоречия между принципом территориальной целостности и принципом самоопределения не существует, ибо первый из этих принципов гарантирует территориальное верховенство государства только от посягательств извне, а в силу принципа самоопределения оно может быть нарушено изнутри, и это «нарушение» вполне правомерно. Поэтому принцип неприкосновенности государственной

и национальной территории вовсе не исключает возможности мирных территориальных изменений. Современное международное право исходит не только из возможности, но в отдельных случаях считает даже необходимыми территориальные изменения при условии соблюдения и других основных принципов международного права. В частности, Устав ООН не предусматривает ограничений для мирных изменений политического и территориального статуса государств-членов Организации. Если Устав ООН признает право наций на самоопределение и обязывает государства-члены ООН претворять его в жизнь, то, естественно, что это может быть связано с необходимостью территориальных изменений. Не случайно конференция 1945 года в Сан-Франциско отвергла все предложения о включении в Устав ООН положения о гарантии неизменности территорий государств-членов Организации. *Участники конференции исходили из того, что Устав, запрещая территориальные захваты, не может гарантировать неизменность границ государств-членов на вечные времена, исключить возможность мирных территориальных изменений.* Более того, в Уставе ООН прямо предусмотрена необходимость таких изменений в отношении самоуправляющихся и подопечных территорий, причем эти изменения рассматриваются в качестве одной из главных предпосылок укрепления международного мира и безопасности. *Консервация территориального status quo * недопустима еще и потому, что внутренние условия существования народов в процессе их развития меняются, а потому возможны, а иногда необходимы изменения и внешних условий их существования.* Следовательно, заключает Г. Б. Старушенко, применение к территориальным спорам принципа уважения границ, существовавших в момент получения независимости, возможно лишь постольку, поскольку это не противоречит принципам самоопределения, поддержания исобщего мира и другим общепризнанным принципам международного права¹⁰. Отметим также, что в статье 73 Устава ООН устанавливается признание членами Организации Объединенных наций принципа первостепенности интересов населения самоуправляющихся территорий и их обязательство максимально способствовать его благополучию в рамках системы международного мира и безопасности.

Проблема кажущейся “несовместимости” международно-правовых принципов “права народов на самоопределение” и “территориальной целостности”, по нашему мнению, преодолевается важным положением упомянутой Декларации “О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН”, в которой недопустимость расчленения или нарушения территориальной целостности суверенных государств ставится в прямую зависимость от соблюдения ими в своих действиях принципа равноправия и самоопределения народов.

Из этого следует: если какое-либо государство не соблюдает принцип равноправия народов и разными средствами препятствует (вплоть до военного подавления) их самоопределению даже в границах этого государства, то стремление компактно проживающего там народа на самоопределение, в соответствии с одним из основных международно-правовых способов, не может быть истолковано как нарушение принципа террито-

* Неизменность (лат.)

риальной целостности суверенного государства. Этими способами самоопределения в названной Декларации считаются: “создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом”.

Лидеры государства, которые не хотят считаться с названными международными принципами и нормами, прибегают к различным ухищрениям, толкуют их лишь в своих интересах. Они провозглашают приоритетность принципов нерушимости территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенного государства, противопоставляя их принципу права народов на самоопределение.

По нашему мнению, для объективного разрешения этого противоречия *необходимо исходить прежде всего из общепризнанного и неоспоримого принципа приоритетности прав человека.* В преамбуле Устава ООН провозглашается: “преисполненные решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...”. В Уставе ООН отмечается, что освобождение того или иного народа может быть поставлено в любое время и чем скорее, тем лучше, т.е. *удержание народов в зависимом положении является нарушением основных прав человека и противоречит принципам, на которых зиждется ООН* (п.2, ст.1 и п. “с” ст. 55). Только на основе признания первичности прав человека можно вывести непредвзятое определение значимости принципов нерушимости территориальной целостности суверенных государств, невмешательства в их внутренние дела, права народов на самоопределение. А при таком подходе следует прежде всего ответить на неизбежный вопрос: *приоритетность какого из рассматриваемых принципов может гарантировать возможность максимальной реализации и защиты прав человека?* Очевидно, что ответ однозначен: *право народов на самоопределение*, разумеется, в одной из предусмотренных в международных документах форм и методов его реализации. Именно такой подход обозначен в статье I Декларации “О праве на развитие” (принятой Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г.), которая гласит: “Право человека на развитие предполагает также осуществление в полной мере (подчеркнуто мною — Л. К.) права народов на самоопределение, которое отвечает соответствующим положениям обоих международных пактов о правах человека...”. Этот принцип нашел новое подтверждение в “Парижской хартии для народов Европы” (1990 г.), в которой достаточно четко записано: “Права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, должны полностью уважаться как часть всеобщих прав человека”. Это положение нашло отражение также в Документе Московского совещания и Конференции по человеческому измерению (1991 г.), Венской конференции по правам человека (июнь, 1993 г.) и ряде других международных документов. В частности, Венская конференция вновь подтвердив право народов на самоопределение, заявила, что считает “отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права”.

Если попирается право народа на самостоятельное решение своей судьбы, то попирается также право личности, принадлежащей к данному народу. А если этот вопрос рассматривать в аспекте “сохранения целостности государства” или “права народов на самоопределение”, то очевидно, что приоритетным является последнее, ибо его реализацией можно обеспечить более эффективную гарантию защиты права личности.

Когда же на пути реализации права народов на самоопределение становятся принципы нерушимости территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела, то сужаются или исключаются возможности гарантий прав человека.

Безусловно, само по себе самоопределение народа, нации не самоцель. Как отмечает Г.Б. Старушенко, “если та или иная форма самоопределения попирает права человека, она должна быть заменена на более приемлемую или же самоопределение не должно состояться в иной форме”¹². Такой подход требует применения и к принципу территориальной целостности, который также не должен стать самоцелью, тем более когда он становится преградой к обоснованному самоопределению в той или иной форме.

Разумеется, дело каждого государства предусмотреть или нет “право народов (наций) на самоопределение” в своих конституциях. Но как бы то ни было в последние годы даже в тех государствах, конституции которых не предусматривают это право, компактно приживающиеся этнические общности нередко добиваются его осуществления.

3. Особенности конфликтов и способов их урегулирования

Определение соотношения между принципами права народов на самоопределение, территориальной целостности государств и принадлежности территорий народам, которые там проживают, обуславливает необходимость конкретного подхода в каждом отдельном случае. Ведь нахождение народов в едином федеративном или ином многонациональном государстве имеет разную историю и специфическую реальность. В одних случаях это произошло добровольно, и они живут в едином государстве веками, в другом — в результате завоевания более могучими государствами территории других, в третьем носит отпечаток волюнтаризма в национальной политике в период более 70-летней истории многонационального государства, особенно по “перекройке” границ во имя “грядущей мировой революции” или “экономической целесообразности”, без “всякого соотнесения с этническим составом областей, местностей и их историческими традициями” (А. Солженицын). Понятно, что эти обстоятельства должны всесторонне изучаться в странах СНГ при решении вопросов государственно-национальных и межнациональных конфликтов.

По нашему мнению, *источником (основой) объективных критериев в решении вопроса о самоопределении народов бывшего Союза ССР должна служить история “перекройки” границ между союзными республиками, создания различных форм автономий в их составе и сегодняшняя реальность.* Исходя из этого очевидно, что *недопустим унифицированный подход к решению проблем Абхазии, Крыма, Народного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, Чеченской Республики, Северной Осетии*

— Ингушетии и т.д. Соответственно не может быть одной унифицированной модели, а требуется конкретный подход в каждом отдельном случае решения вопроса об их самоопределении и политическом статусе, воссоединении с государством своего этноса и т.п. Для *некоторых из них это право может быть реализовано в рамках того же многонационального государства, (разные формы автономии или иных образований), для других отделение от этого государства и образование самостоятельной государственности или воссоединение с существующим пограничным государством своего этноса (ирредента), для третьих установление любого другого политического статуса, свободно определенное народом.*

Объективный анализ, всесторонний учет истории и современных реалий позволяют высшим органам власти суверенных государств самостоятельно и бесконфликтно решить все потенциально конфликтные вопросы в каждой стране СНГ и между ними. Однако, печальная реальность состоит в том, что в силу борьбы разных политических партий, националистических движений и иных причин они не получают решения в соответствии с международно-правовыми принципами и нормами.

Если взять Российскую Федерацию, то идея самоопределения некоторых республик вплоть до выхода из ее состава, на наш взгляд, является утопичной и практически нереализуемой. Эта идея в определенной мере могла быть реализовано в начале XX века, когда присоединенные к Российской Империи регионы в основном были моноэтническими и вели замкнутый, обособленный образ жизни. Именно тогда на заре демократических преобразований партия “Народной Воли” впервые в своей программе заявила, что “народы насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в общерусском союзе”. Однако, в последующем, в процессе объективного социально-экономического развития единого Российского государства во многих его регионах произошло практически неделимое глобальное полиэтническое расслоение народов и их смешение, глубокая взаимосвязь различных отраслей экономики и быта. Поэтому становится практически невозможным территориальное или иное разделение народов Российской Федерации. История сделала свое дело. Такова объективная этнотерриториальная и социально-экономическая реальность, которую никакие национальные движения не могут игнорировать.

Из сказанного вовсе не следует, что абсолютно исключается возможность компактно проживающим народам Российской Федерации поставить вопрос о своем самоопределении, вплоть до выхода из ее состава. Хотя Конституция Российской Федерации не устанавливает такое право народов, но в ней имеется положение о том, что “общепризнанные нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы” (статья 15, часть 4). Следовательно, в соответствии с ними народы Российской Федерации имеют возможность правового решения вопроса своего самоопределения в любой форме, но при безусловном выяснении воли проживающих на данной территории всех народов.

Такая возможность была проигнорирована дудаевским режимом,

который без выявления воли народов Чеченской Республики объявил о ее выходе из состава Российской Федерации.

Незаконными средствами было начато решение проблемы Чеченской Республики также федеральными органами. После крайнего военно-политического обострения кризиса государственные деятели разных уровней стали осмысливать последствия силового разгона избранного народом Верховного Совета республики и установления дудаевского режима. Думается, что вместо разгона Верховного Совета республики следовало провести референдум по вопросу ее статуса с участием всех проживающих там граждан. Нельзя сомневаться, что подавляющее большинство населения Чеченской Республики высказалось бы против ее выхода из состава Российской Федерации. Такое убеждение основывается как на анализе взаимосвязанного многонационального состава Чеченской Республики, так и уровня ее социально-экономической, политической и духовной интеграции с другими субъектами Российской Федерации и их народами. При всех случаях по результатам референдума федеральные органы смогли бы определить более гибкую политику по выходу из создавшегося кризиса, хотя, к сожалению, из существующих вариантов был выбран не самый лучший.

Проблемы Чеченской Республики невозможно решить по противоречивым рекомендациям различных политиков, одни из которых предлагают "отпустить Чечню", а другие — "удержать ее любыми средствами". Эту проблему могут решить все проживающие до начала конфликта народы Чеченской Республики путем свободного волеизъявления.

Рассматривая грузинско-абхазскую проблему, профессор В. Пустогоров пишет: "Согласие сторон на сохранение территориальной целостности Республики Грузия означает, что Абхазия и Грузия не станут самостоятельными, независимыми друг от друга государствами. На деле это означает, что они образуют государственную общность в пределах границ, которыми обладала бывшая Грузинская ССР по состоянию на 21 декабря 1991 года, то есть на момент прекращения существования Советского Союза.

Именно в этом заключается то ограничение, которое с согласия сторон налагается на признаваемое за всеми народами "право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, закрепленное в декларации 1970 года. Ни грузинский народ, ни многонациональный народ Абхазии не могут быть лишены этого права"¹³.

Такое мнение вполне обоснованно, если речь идет о какой-либо форме самоопределения народа в составе данного государства. Но оно окажется противоречивым, если самоопределение народа предполагает отделение от него и образование самостоятельного государства.

Свои особенности государственно-национальные и межнациональные конфликты и пути их решения имеют в Нагорном Карабахе, Приднестровье и других регионах бывшего Союза ССР.

Вокруг проблемы Нагорного Карабаха в течение десятилетий сталкиваются два противоположных подхода. Руководство и различные поли-

тические деятели Азербайджана пытаются убедить международные организации и мировую общественность в том, что Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Азербайджана как суверенного государства, которое правомочно лишить компактно проживающее и составляющее подавляющее большинство области армянское население права на самостоятельное решение своего политического статуса. А официальные органы НКР и Республики Армения на основе документов истории и современности доказывают необоснованность таких утверждений.

В этой связи комиссиям и наблюдателям СНГ, международных организаций (ООН, ОБСЕ и других), всем посредникам по решению этой проблемы, следует выяснить ряд кардинальных вопросов. *Вопрос первый*, на основании каких исторических данных Нагорный Карабах считается неотъемлемой частью Азербайджана, равно как и на каком основании областной Совет народных депутатов НКАО в феврале 1988 года принял постановление о выходе автономной области из состава Азербайджанской ССР и воссоединении с Армянской ССР, а теперь Нагорно-Карабахская Республика требует признания ее государственной независимости?

Объективный подход к выяснению данного вопроса требует поисков ответа прежде всего не в рассуждениях государственных деятелей и ученых противостоящих сторон, а в мировой историографии, документах международных организаций, занимающихся этой проблемой с самого начала возникновения конфликта (1918—1921 годы) и в методах создания советской федерации.

Не вдаваясь в дебри древности, напомним лишь историю Нагорного Карабаха за последние два столетия, основные вехи которой освещены в отечественных и зарубежных изданиях.

В предельно кратком обобщении известного дипломата, доктора исторических наук В.И. Ступишина показывается, что “территория Карабаха всегда была средоточием армянской культуры, языка, религии, государственности и называлась в древности Арцахом. И сейчас его так называют отнюдь не одни только “армянские националисты”.

Начиная с XI века сюда приходили огузы, сельджуки, татаро-монголы, персы, турки, но жители Арцаха, несмотря на смену сюзеренов, сумели защитить свою национальную самобытность, а мелкства Нагорного Карабаха не только сохранили остатки армянской государственности, но стали инициаторами присоединения Карабахского ханства к России. Город Шуши был центром этой армянской области Закавказья, из которого армяне были изгнаны турками в марте 1920 года. Весь Нагорный Карабах, признанный советской властью за Арменией в декабре 1920 года был отторгнут от нее решением большевистских вождей в июле 1921 года, а в 1923 году объявлен автономной областью Азербайджана. Несмотря на сокращение доли армян в составе населения НКАО, и в советский период своей истории Нагорный Карабах упорно оставался преимущественно армянским. *Никаких аргументов в пользу иной принадлежности не найти ни в истории, ни в культуре, ни в современном праве.* И именно поэтому Нагорный Карабах признавался особой национально-государственной единицей в составе не только

АзССР, но и СССР, в высшем законодательном органе которого был представлен напрямую". Относительно муссируемого политиками Азербайджана вопроса о "двухобщинности" Нагорного Карабаха В. И. Ступишин разъясняет: "Двухобщинность" Нагорного Карабаха — такой же нонсенс, как бы мы попытались объявить, скажем, "двухобщинную" Армению в составе армянской (3,5 млн. человек) и русской (30 тыс. человек) общин. Кстати, и Азербайджан, в котором кроме тюрков живут лезгины, аварцы, талашы, таты, курды и многие другие никто "многообщинным" не считает"¹⁴.

С волюнтаристским включением Нагорного Карабаха не примирилось коренное население — армяне, составляющие более 90 процентов его состава и продолжало борьбу за воссоединение со своим национальным государством — Армянской ССР.

Именно поэтому вскоре, после нового взрыва конфликта в годы "перестройки", Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев под воздействием неоспоримых фактов истории и современных реалий вынужден был заявить: "Проблема НКАО существует давно. Ее не поднимали лишь в годы войны, да и исторически этот вопрос был решен не лучшим образом".

Политико-правовые возможности решения Нагорного Карабаха были проигнорированы также во время принятия Конституции СССР 1977 года. Во время обсуждения ее проекта по данному вопросу поступили десятки тысяч писем из разных регионов страны. Рабочая комиссия по изучению писем и предложений к проекту Конституции в своем заключении написала: "Впоследствии ряда исторических обстоятельств несколько десятилетий назад Нагорный Карабах искусственно был присоединен к Азербайджану. При этом не было учтено историческое прошлое области, ее национальный состав, желание народа и экономические интересы. Прошли десятилетия и вопрос о Карабахе продолжает склоняться, вызывает беспокойство и моменты недоброжелательности между двумя соседними народами, связанными вековой дружбой. Надо присоединить Нагорный Карабах ("Арцах" по-армянски) к Армянской ССР. Тогда все встанет на свои законные места¹⁵. Однако, "отцы" новой Конституции в лице членов Политбюро ЦК КПСС отвергли всесторонне обоснованные рекомендации созданной ими же комиссии.

В феврале 1988 года, в условиях "гласности и демократии" высший орган власти НКАО областной Совет народных депутатов принял постановление о выходе из состава Азербайджанской ССР, вхождение в состав Армянской ССР и обратился к Верховному Совету СССР и соответствующим органам соседних республик по этому вопросу. В ответ на этот конституционно правовой акт в разных районах Азербайджана начался геноцид и изгнание армянского населения. Более того, Нагорный Карабах (попутно и Армянскую ССР) объявили агрессором, хотя суть проблемы состояла в освобождении его народа и территории от аннексии, осуществленной Азербайджаном при непосредственном содействии политического руководства советской России.

В свете документально подтверждаемых фактов становится очевидной, во-первых, полная несостоятельность утверждений руководства и

разных политических сил Азербайджана о мнимой государственной (соответственно территориальной) принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану; во-вторых, бесспорная принадлежность территории Нагорного Карабаха его коренному населению и обоснованность его устремления на самостоятельное решение своей судьбы.

В числе аргументов о государственной принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану указывается на то, что данный факт отражался во всех Конституциях Союза ССР и не был пересмотрен центральными органами страны в процессе обсуждения конфликта по ИКАО в 1988—1991 годах.

Выше отмечалось, какими путями “конституционно” Нагорный Карабах оказался в составе Азербайджана. Что же касается обсуждения данной проблемы в последние годы, то она с самого начала (как и 2070е годы) проводилась в высших партийных органах страны. Именно диктат Политбюро ЦК КПСС определял итоги очередных обсуждений данной проблемы в различных инстанциях центра, в том числе на заседаниях сессий Верховного Совета СССР. В промежутках между очередными заседаниями создавались комиссии по изучению сути конфликта, но в принимаемых решениях по итогам изучения не учитывались их рекомендации.

Безусловно, внесенные народными депутатами на заседании Верховного Совета СССР компромиссные рекомендации о промежуточных мерах по проблеме НКАО были обусловлены создавшейся конкретно-исторической обстановкой в регионе. Но даже такие *рекомендации депутатских комиссий, выработанные на основе изучения истоков, эволюции и состояния конфликта непосредственно в регионе, фактически не нашли отражения в Постановлении Верховного Совета СССР по данному вопросу*. Более того, важные положения ряда его постановлений порой противоречили Конституции СССР. И не случайно, что Комитет конституционного надзора СССР в постановлении от 28 ноября 1991 года № 28 (2-5) признал неконституционными: п. 3 ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1989 года “О введении особой формы управления в НКАО”, которым была приостановлена деятельность Советов народных депутатов области; ч. вторую п. I Постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года “О мерах по нормализации обстановки в НКАО”, которыми создавались неконституционные органы управления в НКАО.

Безусловно, *при рассмотрении подобных конфликтных проблем, связанных с вопросом о территориях, первостепенное значение имеет не столько история, сколько современная реальность*. А реальность такова: что а) Азербайджан вышел из Составы Союза ССР, провозгласил свой государственный суверенитет, вернулся к своей конституционной государственности (1918 года); б) армянское население Нагорного Карабаха, составляющее ныне около 80% его состава, стремится к признанию своей республики.

Из этой реальности возникает *вопрос второй: почему Азербайджанская ССР могла выйти из состава СССР на основе права народов на самоопределение, а Нагорно-Карабахская республика не должна быть освобождена от аннексии? Тем более, если учесть, что:*

а) Азербайджанская ССР в составе Закавказской федерации добровольно явилась основателем Союза ССР, а Нагорный Карабах был отдан Азербайджану насильно, партийным решением Кавбюро РКП(б) и в течение десятилетий вел борьбу за выход из его состава;

б) многочисленными комиссиями центральных органов бывшего Союза ССР официально было установлено постоянное нарушение политических, экономических и других прав автономной области и ее граждан в течение десятилетий. Такие нарушения были зафиксированы, в частности, в совместном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Нагорному Карабаху в марте 1988 года, в материалах заседания Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года, в последующих решениях Правительства Союза и публикациях по данной проблеме.

Рассматривающие карабахскую проблему отдельные авторы утверждают, что в настоящее время Азербайджан может дать любую гарантию прав карабахских армян и обеспечить их безопасность. Однако подобные предположения не предусматриваются в международном праве и, что самое существенное, не согласуются с постоянными призывами Руководства Азербайджана о силовом решении конфликтной проблемы.

Эти призывы усилились после представления в ноябре 1998 года представителями Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху — представителями России, США и Франции нового плана урегулирования конфликта. Если власти Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения выразили свое позитивное отношение к этому плану в качестве возможной основы для дальнейшего переговорного процесса, то руководство Азербайджана выразило категорическое несогласие с ним. Более того, азербайджанскому народу внушается идея о неизбежности силового достижения своих притязаний. Так, Президент Азербайджана, верховный главнокомандующий Гейдар Алиев заявил: “если переговоры не дадут результатов (разумеется, согласно безоговорочным требованиям Азербайджана — Л. К.), мы все вместе любой ценой освободим оккупированные земли, восстановим территориальную целостность Азербайджана... Этот день мы встретим вместе... Верю, что наша армия, вооруженные силы уже встали на этот путь и будут по нему продвигаться”. Более того, воинствующую риторику Президент Азербайджана распространил на всю территорию Республики Армения. “Армения, — утверждает он, — это не что иное, как ”Западный Азербайджан”... Территория, называемая сейчас Арменией, Западный Азербайджан — это Иреванский, Гейча, Зангибасарский, Зангезурский махалы все это было место проживания азербайджанцев, мусульман... Не думаю, что ислам на этой земле стерт навеки. Ислам опять вернется туда, где был. Я верю в это. Верю, что хозяева этой земли мусульмане, азербайджанцы вернутся туда. Поэтому эти земли никогда нельзя стереть с карты ислама”¹⁶

Подобные суждения изобилуют в речах других высокопоставленных руководителей Азербайджана. Они свидетельствуют о том, что затягивание переговорного процесса, фактический его срыв — основа государственной политики Азербайджана.

Неоспоримым фактом является то, что вся практическая политика всех поколений руководства Азербайджана многие десятилетия была направлена на силовую депортацию или "мирное вытеснение" коренного армянского населения Карабаха из его многовековой родины. Именно через такие "гарантии" они сумели вытеснить армянское население из Нахичеванской автономии. В результате там не осталось ни одного армянина, хотя автономная республика была создана в связи с преобладанием армянского населения. Между тем она поныне существует с тем же статусом в составе Азербайджана. Почти аналогичная участь постигла также автономию "Красный Курдистан", созданную в 1923 году в составе Азербайджанской ССР. Она была ликвидирована в 30-х годах, а в последующем в паспортах курдов национальность стали записывать "азербайджанец". Бесспорно, политика "национального нивелирования" проводилась с благословения сталинского режима и его последователей, вопреки мнению русского, азербайджанского, армянского, курдского и других народов.

В этом вопросе правители Азербайджана полностью следуют аналогичной политике, проводимой в Турции, где проживающие там другие народы именуется турками. Достаточно напомнить, что десятки миллионов проживающих в Турции курдов, именуется "горными турками".

Новейшим примером "гарантий" прав других народов в Азербайджане являются августовские (1993 года) репрессии в Ленкоранском регионе, где была подавлена попытка демократического восстановления автономии талышского народа, созданной еще в 1919 году, но вскоре загубленной тоталитарным режимом.¹⁷

Сопоставление многочисленных фактов нарушения десятилетиями прав человека и равноправия народов властями Азербайджана в Нагорном Карабахе с положением Устава и ряда Деклараций ООН приводит к неоспоримому выводу: *если бы даже Нагорный Карабах входил в состав Азербайджана добровольно, но его права постоянно нарушались вплоть до геноцида, то требование НКР о признании ее самостоятельной государственности не противоречит принципу сохранения территориальной целостности Азербайджана.*

При рассмотрении проблемы Нагорного Карабаха в рамках СНГ или в международных организациях следует обратить внимание также на Декларацию о государственном суверенитете и независимости Азербайджанской республики, принятую его Верховным Советом в декабре 1991 года. Важнейшим положением этой декларации считается провозглашение о восстановлении Азербайджанского государства по его Конституции 1918 года. А по этой конституции Нагорный Карабах не входил в состав Азербайджана. Следовательно, *согласно названной декларации де-юре признается статус Нагорного Карабаха вне состава Азербайджана.* Иначе говоря, после распада Союза ССР союзные республик и автономные образования вновь вернулись к исходным позициям кануна его создания.

В новых условиях народ Нагорного Карабаха пытается решить вопрос о своем политическом статусе и свободном развитии в полном соответствии с положениями международно-правовых документов.

После распада СССР здесь был проведен референдум по вопросу его политического статуса. На основании итогов референдума провозглашена Нагорно-Карабахская Республика, принята Конституция, созданы конституционные органы власти и другие государственные органы власти и другие государственные структуры. Однако, НКР остается непризнанной в силу доминирующей концепции о приоритете территориальной целостности другого государства (Азербайджана), в состав которой ее территория была аннексирована.

*Обсуждающие проблемы Нагорного Карабаха международные организации должны учитывать также то важное обстоятельство, что вопрос о его новом политическом статусе решен не только на основании международно-правовых норм, но и в соответствии с положениями Закона СССР "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР", принятым Верховным Советом СССР 3 апреля 1990 года. Статья третья Закона устанавливала: "В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. Заслон на пути возможного волюнтаризма в союзных республиках в отношении автономий был установлен в Законе "О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации" от 26 апреля 1990 года, где в качестве субъектов федерации признавались не только союзные республики, но также автономные образования. В частности, в ст. 1 Закона было записано: "отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они включены, определяются соглашениями и договорами..." А статья 3 гласила: "территория союзной, автономной республики, автономного образования не может быть изменена без ее согласия"¹⁸. Исходя из названных и других правовых актов бывшего СССР как единого федеративного государства, очевиден достаточно обоснованный вывод: *после его распада конфликт между Азербайджанской Республикой и Нагорно-Карабахской Республикой перерос в межгосударственный*. Видимо в этом ракурсе и следует рассматривать проблему урегулирования данного конфликта.*

Однако парадокс состоит в том, что международные организации признали самоопределение и суверенитет союзных республик, осуществленный вне рамок Конституции и законов в СССР и норм международного права, но не признают определение народом своего политического статуса бывшего автономного образования, решенного в полном соответствии с указанными нормами. Совершенно очевидно, что двойной подход к этим проблемам обусловлен политическими интересами и отношением крупных держав к развалу СССР и целостности нефтеносного Азербайджана. *Проводятся необоснованные параллели между конфликтами в разных регионах мира с предложением их разрешения по аналогии*. Утверждается, что по схеме Боснии и Герцего-

вины возможно решить проблемы Нагорного Карабаха, Южной Осетии и некоторых других регионов. Во-первых, эта схема республикам бывшей Югославии была навязана без выявления воли их народов, в результате чего около полумиллиона сербов и десятки тысяч представителей других народов были изгнаны из своих исконных территорий. Во-вторых, последующие события показывают неэффективность таких переделов.

Международная политика по образованию новых государств в результате развала колониализма, разных империй и многонациональных государств свидетельствует о неизбежности признания права народов на самоопределение. Но необходимо стремиться к тому, чтобы этот принцип был реализован не после многолетних кровавых противостояний, а мирными политико-правовыми средствами без войн и гибели людей. Основой нового миропорядка должны быть не “право силы” и двойные стандарты сильных держав и альянсов, а общепризнанные принципы и нормы международного права, основные из которых воплощены в Уставе ООН и документах ОБСЕ.

В иерархии межнациональных и межгосударственных отношений непреходящим правовым и нравственным императивом является безусловное признание свободы другого народа, его суверенитета и права на самоопределение. А насильственное удержание другого народа в составе своего государственного образования не совместимо ни с демократией, ни с гуманизмом. Если какой бы то ни было народ удерживается в границах данного государства насилием и ему не предоставляется право решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования, то такая акция является аннексией, т.е. захватом и насилем. Но лидеры новых “мини империй” на территории бывшего СССР прикрываются принципом “территориальной целостности”, не желая считаться с тем, что этот принцип может стать преградой на пути восстановления исторической справедливости, когда речь идет об освобождении народа и его территорий от имевшего места захвата и аннексии или осуществлению его права на самоопределение. Они даже не задумываются над тем, что нельзя претендовать на цивилизованность и одновременно вести войну против другого народа, стремящегося к определению своего политического статуса и свободного развития. Нельзя военную силу превращать в единственное средство разрешения конфликтов, прикрываясь принципом территориальной целостности и одновременно претендуя на территорию народа, где веками проживали его предки.

* * *

Итак, в современных условиях освобождения народов от тоталитарно-унитарной системы и стремления к созданию самостоятельных национально-государственных и национально-территориальных образований в сознании народов (особенно компактно проживающих, подвергшихся массовым репрессиям и утратившим свою государственность) доминирует их право на самоопределение. Можно согласиться с реальной ситуацией или попытаться противостоять этой тенденции, но ясно одно: *при рассмотрении данной проблемы нельзя идти по пути*

унификации. А для дифференцированного подхода к ней необходимо выработать критерии относительно реализации каждым народом своего права на самоопределение в соответствии с международными принципами и конкретными возможностями их реализации.

Гарантией от возможных ошибок в таком историческом и судьбоносном вопросе служит безусловное участие в решении вопроса о самоопределении и его конкретных формах всех народов данной территории, а не только государственных органов власти, отдельных политических движений, народных фронтов или их лидеров.

Право народов на самоопределение в аспекте неизбежного отделения от единого государства, как и принципы нерушимости территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела суверенного государства, нельзя возводить в закостенелую догму и толковать односторонне. Для мирного, политического разрешения рассматриваемых конфликтов важно, чтобы конфликтующие стороны признавали международно-правовые принципы во взаимосвязи и искали пути их конкретно-исторической реализации.

В этой связи подчеркнем, что урегулирование происходящих в некоторых государствах СНГ государственно-национальных и межнациональных конфликтов не являются их внутренним делом. *В их разрешении правопреемственную ответственность несут все бывшие союзные республики СССР — нынешние независимые государства.*

Поэтому в практической политике высших органов власти на всех уровнях по данной проблеме, как и научных исследованиях, *необходимо максимально осмыслить исторические корни каждого конфликта в некоторых регионах СНГ и сложившиеся современные реалии*, которые могут составить исходную базу для их мирного политического урегулирования в соответствии с действующими международно-правовыми нормами. Только при таком подходе возможно обеспечить гармоническое сочетание интересов каждого народа и государства.

¹ Конфликт в обычном смысле рассматривается как столкновение, серьезное разногласие, спор (от лат. *conflictus*). В научной литературе более подробно исследованы проблемы социальнопсихологических и политических конфликтов (из последних работ см. Конфликтология. Учебник под ред. Кармина А. С. Санкт-Петербург, 1999). Юридический конфликт — «противоборство сторон — государств и их органов, общественных объединений, граждан с целью противоправного изменения статуса и юридического состояния субъектов права. Нормы международного права не признают юридический конфликт как нормальное юридическое состояние, в них содержится механизм согласованного преодоления конфликтных ситуаций». (См. Юридическая энциклопедия. М., 1999, с. 213). Бесспорно, что юридический конфликт нельзя признать нормальным юридическим состоянием. Но в то же время, как межгосударственные, так и внутригосударственные конфликты имеют правовое содержание. А в государственнонациональных конфликтах проявляются политические, правовые, социальнопсихологические конфликты в их взаимосвязи.

² См.: Бекмурзаев Б. А. Миротворческая роль России в урегулировании вооруженных конфликтов в СНГ. Государство и право, 1994, № 12, с. 3;

М. И. Клеандров. Нестандартные споры в СНГ — кому их решать? Государство и право. 1995, №10, с. 146—156 и др. публикации.

³ См.: Организация Объединенных Наций. М., 1981, с. 467.

⁴ См.: *Л. А. Маджорян.* Основные права и обязанности государств. Юридат. 1965, с. 158; *Г. Б. Старушенко.* Нации и государство в освобожденных странах, М., 1967, с. 117—118.

⁵ См. Независимая газета, 7 декабря 1992 года.

⁶ См.: *Осборн Р.* Национальное самоопределение и целостность государства. Общественные науки и современность. 1995, с. 124.

⁷ См. *Г. Б. Старушенко.* Не только тушить, но и предупреждать конфликты. Московский журнал международного права. 1997, № 1, с. 29, 47.

⁸ См.: Литературная газета, 16 сентября 1992 г.

⁹ См.: Российская газета, 31 июля 1993 г.

¹⁰ См.: *Г. Б. Старушенко.* Нация и государство в освобожденных странах. М, 1967, с. 114—122.

¹¹ Организация Объединенных Наций. Сборник документов. М., 1981, с. 467.

¹² См. *Г. Б. Старушенко.* Указ. статья, с. 37.

¹³ См.: *В. Пустогоров.* Горячие точки СНГ и международное право. “Международная жизнь”, 1995, №1, с.49.

¹⁴ См.: *Ступишин В. П.* Самоопределение народов: традиции и современность. Общественные науки и современность. 1994, № 2, с. 113.

¹⁵ См.: Письма из Арм. ССР, Груз. ССР. Нахичеванской АССР. НКАО. Предложения и замечания трудящихся. Протоколы заседания Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1977 г., № 61, 114—133.

¹⁶ См.: Бакинский рабочий. 15 декабря 1998 г.

¹⁷ См.: *И. Васильев:* Талышская Мугамская Республика. Начало и конец. Независимая газета. 19 июля 1994 г.

¹⁸ См.: Законы, Постановления и другие акты, принятые на третьей сессии Верховного Совета СССР. М., 1990, с. 328, 346.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1999 г.